РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

ИСЛАМ

на территории бывшей Российской империи

Энциклопедический словарь

выпуск 2

Москва Издательская фирма «Восточная литература» РАН 1999 Лит-ра: ac-Cam anu. Aл-Ahca6, 7, 138–143; Yacut. Yacut's geographisches Worterbuch, aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford.../ Hrsg. von F.Wüstenfeld. 1–6. Lpz., 1868–1873, 4, 509; ac-Субки. Табакат, 4, 21–26, 56, 186–189, 259–260; Жуковский. Развалины; Бартольд. Соч., 1, 81–82; Ш.С. Камалиддинов. «Китаб ал-ансаб» Абу Са'да 'Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Сам'ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Таш., 1993; GAL, 1, 329–330; GAL SBd., 1, 564–565.

С. П.

афар-качты (или сафар-чикты, узб., «сафар убежал», «прошел») — название обычая жечь ритуальные костры и прыгать через них с целью очищения от грехов года и предотвращения грядущих бед. Происходит это в последнюю среду сафара — 2-го месяца мусульманского лунного календаря. В Средней Азии в зависимости от района бытования известны другие названия этого обычая: охир чоршанба (узб.), чоршамба-йи охирун (тадж.) — «последняя среда», гара чаршанбе (туркм.) — «черная среда», в XIX — первой половине XX в. этот обычай отмечен у таджиков и оседлых узбеков, у ряда групп туркменов и др.

Связь С.-к. с месяцем сафар не совсем ясна. Согласно поверьям, в этот месяц происходит «тысяча несчастий»: однажды в месяце сафар хезрет (хазрат) 'Али выехал на охоту, и было пролито много крови, в последнюю среду сафара был тяжело ранен знатный мусульманин, и этот день объявили траурным, черным. Абу Райхан ал-Бируни (ум. в 1048 г.) утверждал, что месяц назван так из-за моровой язвы, которая нападала на арабов именно в *сафар* — они заболевали, и лица их становились желтыми (однокоренное арабское слово асфар означает «желтый»). Отправляться в путь или выступать в поход в месяце сафар опасно, вступать в брак нельзя; новорожденным давали имена Сапар-нияз, Сапар-бай, Сапар-гюль (букв. «чтобы *сафар* не тронул») и т.д.

Наиболее опасной считалась последняя среда месяца сафар. На больших дорогах или на их перекрестках разжигали костры, над ними разбивали старую посуду, бросая черепки в огонь, запускали бумажные эмеи с зажженной паклей; били в трещотки, убивали собак, особенно рыжих (набор действий у разных групп населения варьировался).

Л ит-ра: *М.Р.Рахимов*. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период. Сталинабад, 1957, 205-208; *С.М. Демидов*. О верованиях и обычаях туркмен, связанных с огнем // Исследования по этнографии туркмен. Аш., 1965, 171-190; *Н.А.Кисляков*. Некоторые иранские поверья и праздники в описаниях западноевропейских путешественников XVII в. // Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. М., 1973, 190-192; *Н.П. Лобачева*. Отни сафара в Хорезме (О забытых праздниках) // ЭО. 1995, № 5, 24-35.

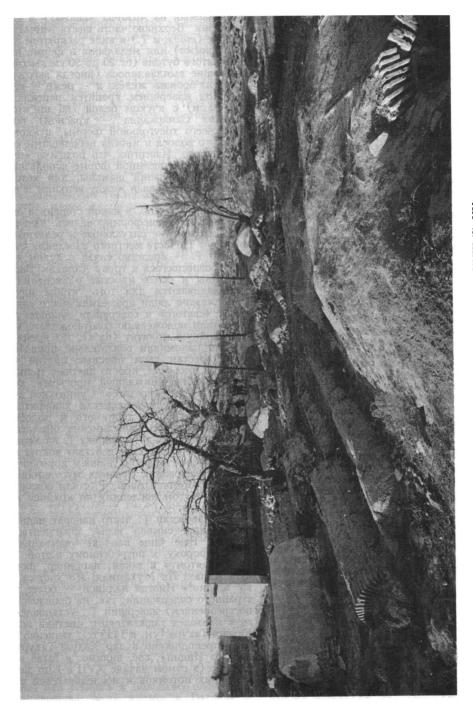
Н. Л.

муг (тюрк., «знамя», «штандарт») высокий деревянный шест (реже столб из нескольких звеньев), устанавливаемый на мазарах «святых» в Средней Азии. Верхнюю часть шеста венчает навершие ($mad\dot{x}-u$ T.) в виде раскрытой ладони (панджа) или медальона в форме полураскрытого бутона (от 20 до 50 см высотой). Навершие выплавлялось (иногда выковывалось) из бронзы, железа и — реже — серебра. Под навершием крепится перекладина (50-70 см) с куском белой (на ши'итских мазарах Самарканда — красной) ткани, чаще всего треугольной формы, пучком из конского волоса и иногда небольшими колокольчиками. Известно, что похожие «штандарты» в уменьшенной форме использовали во время камланий шаманы, для которых Т. – средство связи между верхним и нижним мирами.

Не вполне ясно, в какой степени в бытовом исламе трансформировались изначальные доисламские ритуальные и религиозные функции Т. Часть местного населения считает, что Т. — средство связи с духом «святого, вознесшегося к трону Аллаха». Зафиксированы и более простые объяснения: Т. устанавливаются для того, чтобы идущие мимо мазара люди приметили место захоронения «святого» и совершили зийарат либо прочитали положенную благопожелательную заупокойную молитву $(\partial y'a)$. Во время $\tilde{s}u$ йарата паломники обязательно привязывают к шестам свои поясные платки (мийанбанд, бил-баг), просто цветные тряпочки как символы «нижайшей просьбы», обра-щенной к духу «святого». Суннитское духо-венство (даже представители ханафитского мазхаба, наиболее терпимого к подобного рода проявлениям доисламских обычаев адат) не одобряло установку Т. на мазарах и тем более «языческие действа» вокруг них. Тем не менее, судя по данным археологических исследований древних мусульманских кладбищ Средней Азии, Т. стали обязательным атрибутом последних по крайней мере уже с XIV в.

На навершия Т. часто наносят надписи, содержащие символ веры, фрагменты из Корана. Еще чаще наносят «взывания» к Богу, Пророку, к погребенному в этой могиле «святому» в такой, например, форме: «Йа Аллах! Йа Мухаммад! Йа хадрат Баха' ад-дин!» Иногда надписи — более пространного содержания; так, на бронзовом (с посеребрением) навершии Т., установленного у мавзолея ташкентского мистика шайха Хавенд-Тахура (ум. в 1455 г.), записано, что оно «преподнесено в дар Хадрат-Тахуру от городов Индии», где, видимо, и было изготовлено (в самом начале XVII в.) по заказу тамошних потомков и последователей этого

При Советской власти (особенно в начале 80-х гг.) Т. уничтожались: в них и в совершаемых вокруг них ритуальных действиях «борцы-атеисты» увидели угрожающий символ возрождения ислама. Эту же борьбу

Некрополь Чхар Туг у ворот Тал-и Пач (Бухара), XVIII (?)-XX вв. Фото А.Самойленко

за очищение местных мазаров (по крайней мере в Узбекистане) от «языческих атрибутов» продолжили «фундаменталисты» («вах-хабиты»). Как бы то ни было, старые традиции вновь проявили свою живучесть: в последние годы Т. поднимают «всем миром» (например, на квартальных мазарах Бухары), по такому случаю устраивают обильные угощения (худои) при святыне. Известны случаи установления Т. группами женщин в знак «благодарности святому» за избавление от недугов.

Ј ит-ра: *Аминджан Пулат*. Бухара, 2, 47, 80; Г.П.Снесарев. Реликты домусульманских обрядов и верований у узбеков Хорезма. М., 1969, 275; Б.М.Бабаджанов, Е.Г.Некрасова, В.М. Филимонов. Туги Центральной Азии // StIr

(в печати).

Б. Б., Е. Н.

укаевы — известная в XIX — начале XX в. среди татар и башкир династия ишанов — религиозных и общественных деятелей из села Стерлибаш Стерлитамакского уезда Оренбургской (с 1865 г. – Уфимской) губернии. Основателем ее стал Ни матуллах (Нигматулла) 6. Биктимер 6. Тукай 6. ас-Слаучи (1772-1844), предки которого переселились в Башкирию из деревни Слауч Малмыжского уезда Казанской губернии. Начальное образование он получил в местных мадраса, в частности в деревне Мачкара у мударриса Мухаммад-Рахима. В 1801 г. отправился в Бухару, где проучился свыше 10 лет. Там же, у шайха Абу Салиха Нийазкули ат-Туркмани углубил свои познания в учении и практике братства накшбандийа. В 1813 г. он стал указным имамом и возглавил Стерлибашевскую мадраса, которую превратил в одно из ведущих учебных заведений края. Он ввел в жизнь местных мусульман некоторые новшества: запретил джиины - ежегодные собрания старейшин и влиятельных представителей мусульманских общин для обсуждения насущных экономических, политических и культурных проблем, празднование Нового года (Навруза), отменил поминание усопших на 3, 7 и 40-й день их смерти, стал практиковать коллективные радения сидя в кругу, на восходе солнца, и многодневные безотлучные моления в священных местах (мечетях и т.д.). В своей мадраса он с успехом преподавал Коран и его толкование (тафсир), хадисы, мусульманскую догматику и этику. Составил персидско-тюркский словарь (Лугат Ни матуллах) и написал арабо-тюркскую сравнительную грамматику, служившие для шакирдов учебным пособием. Благодаря огромному авторитету Ни матуллаха село Стерлибаш превратилось в начале XIX в. в один из главных религиозно-культурных центров края, куда периодически приезжали муфтии — председатели ОМДС Мухаммад-джан Хусаинов и Габдессалям ('Абд ас-Салам) Габдрахимов ('Абд ар-Рахим), влиятельные имамы и *ахуны* округа, многочисленные *муриды*, известные поэты (например, 'Абд ар-Рахман Утыз-Имани, 1752–1836) и даже казахские

ханы Джихангир и Ширгазы.

Ни матуллах был большим любителем и собирателем книг, обладал богатой библиотекой, для пополнения которой не жалел средств, времени и сил (много книг он переписал собственноручно). Будучи сторонни-ком реформаторских идей Абд ан-Насира ал-Курсави, он использовал его труды в учебном процессе, активно занимался воспитанием муридов.

После смерти шайха Ни матуллаха его дело продолжили сыновья. Особенно яркой личностью был старший из них — Мухам-мад-Харис (1810-1870). В 1833-1841 гг. он обучался в Бухаре. После возвращения стал помощником (хальфа, от араб. халифа «заместитель») учителя, а с 1844 г. – мударрисом Стерлибашевской мадраса. Он много сделал для улучшения ее материальной базы, предпринял первые попытки расширить традиционную учебную программу. В частности, ввел в ней преподавание русского языка, знание которого считал необходимым и полезным для российских мусульман. С этой целью для школьной библиотеки выписывал из столицы общественно-политическую газету Голос. Мухаммад-Харис был муридом бухарского шайха 'Убайдаллаха б. Нийазкули ат-Туркмани (ум. в 1852 г.), от которого он получил иджаз-нама — разрешение на воспитание муридов, число которых у него на родине было огромным. Будучи еще учащимся (*шакирд*) в Бухаре, от познакомился с прибывшим туда на учебу Шихаб ад-дином ал-Марджани и оказывал ему помощь в занятиях. После возвращения в Башкирию Мухаммад-Харис принял многие идеи своего ученика по модернизации ислама и его институтов и распространил их среди шакирдов. В 1860 г. он совершил хаджж, откуда привез много книг. Всю жизнь Мухаммад-Харис активно заниблаготворительной деятельностью, открыл в родном селе приют на 40 мест для сирот и бедных, помогал голодающим в годы неурожаев.

Авторитетнейшему в Оренбургском крае шайху царские власти давали дипломатические поручения при продвижении русской государственности в казахские степи. 1869 г. за оказанные услуги Александр II пожаловал ему почетное звание тархан. При Мухаммад-Харисе село Стерлибаш по-прежнему оставалось одним из признанных религиозно-духовных центров края — его посещали оренбургские муфтии Габделвахид ('Абд ал-Вахид) Сулейманов и Салимгарей Тевкелев, другие религиозные авторитеты.

В должности мударриса и имама шайху Мухаммад-Харису много помогал его брат — Мухаммад-Харрас (1814-1871), также получивший образование в Бухаре (1844-1854). После него Стерлибашевскую мусульманскую общину и мадраса возглавляли в разные годы их многочисленные сыновья. Под